

Устраивали ли «триумфы» русские князья домонгольского времени?

Алексей Лаушкин

Did the Russian princes of the pre-Mongol time arrange «triumphs»?

Aleksey Laushkin

(Lomonosov Moscow State University, Russia;
Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722030013, EDN: FWFHRI

Источники домонгольского времени не позволяют ответить на вопрос, сложился ли на Руси устойчивый церемониал возвращения князей-победителей с войны. Сохранившиеся скудные данные имеют преимущественно летописное происхождение и указывают лишь на отдельные элементы таких событий: торжественные въезды в города, демонстрацию пленённых неприятелей и добычи, благодарственные богослужения в храмах. Остаётся неясным, исчерпывался ли этими действиями список «ритуалов победы» и насколько каждый из них оказывался обязателен в конкретных обстоятельствах. В настоящей статье обобщены сохранившиеся сведения о практике «возвращения с побѣдою» в домонгольское время и поднят вопрос о её возможных истоках.

По предположению П.С. Стефановича, «торжественная и многолюдная встреча» победителей или сопровождение их почётным эскортом «с оказанием внешних знаков почёта» обобщённо обозначались летописцами с помощью универсальных формул: «с честью (и с славою) великою», «с славою и честью», «с победою»¹. Конкретные детали таких встреч в летописях обнаруживаются крайне редко, если не принимать в расчёт сообщений о типологически отличных ситуациях, когда после победы князь возвращался не «во свояси», а входил в не принадлежащий ему город с целью его удержания или вокняжения в нём².

Самый ранний «чистый» случай описания въезда победителей в свой город находится в Ипатьевской летописи (*Inam.*) под 6659 (1151) г. в известии о битве на р. Руте между киевскими князьями Вячеславом Владимировичем и Изяславом Мстиславичем с одной стороны и суздальским князем Юрием Долгоруким — с другой. Победив, киевские князья «похваляче Бога, и Его Пречистую Матерь, и силу Животворящаго Креста съ честью и похвалою великою поидоша къ Киеву; и тако поидоша (*в Хлебниковском списке: изыдоша. — А.Л.*) противу

© 2022 г. А.В. Лаушкин

¹ Стефанович П.С. Древнерусское понятие чести по памятникам литературы домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 2(16). С. 76–77, 82.

² Древнерусские церемониалы возвращения с войны и княжеских интронизаций имели черты сходства. К ним относятся торжественная встреча нового правителя горожанами и посещение городского собора (*Гвозденко К.С.* Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольское время // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1(35). С. 21–27, 35).

имъ святители съ кресты: митрополить Климъ и игумени чествнии, и попове, и многое множество святитель, и с великою честью въѣхаша въ Киевъ»³.

Под 6685 (1177) г. *Inam*. сообщает, как встречали Всеволода Большое Гнездо после победоносного похода против рязанского князя Глеба Ростиславича жители его столичного города Владимира: «Людье же Володимерьстии оустрѣтоша съ кресты князя своего, идоуща с побѣдою»⁴. В Лаврентьевской (*Лавр.*) и родственных ей летописях под 6707 (1199) г. читается краткое, без подробностей, сообщение о возвращении того же князя после успешной войны с половцами, а на миниатюре Радзивилловской летописи, иллюстрирующей это сообщение (и в какой-то мере, по-видимому, отражающей оригинал XIII в.), изображены жители Владимира, включая епископа (Иоанна), выходящие из города навстречу победоносной Всеволодовой дружине; дружина во главе с князем скачет под развевающимся стягом, с городской стены её приветствует трубач⁵.

По мнению Д.С. Лихачёва, торжественная встреча князя и его воинов сопровождалась пением «славы» в честь победителей⁶. Вполне определённо о такой «славе», совершаемой во время публичной встречи князя вне стен города, сообщает «Повесть о житии и о храбрости» князя Александра Невского (возникшая, вероятно, вскоре после смерти князя)⁷. Победив немцев на Чудском озере, Александр отправился во Псков, «и яко же приближися князь къ граду Пскову, игумени же, и попове, и весь народ срѣтоша и пред градомъ съ кресты, подающе хвалу Богови и славу господину князю Александру, поюще пѣснь: “Пособивый, Господи, кроткому Давыду побѣдити иноплемьники и вѣрному князю нашему оружию крестным и свободи градъ Псков от иноязычникъ рукою Александровою”»⁸. Разумеется, торжественная процессия с участием духовенства, с крестами, воздвигнутыми над толпой, должна была сопровождаться не только пением «славы» князю, но и обращёнными к Богу молитвами, упомянутыми в приведённой цитате, где ясно угадывается отсылка к одной из стихир Кресту Господню с призыванием победы царю или князю⁹. В этой связи

³ ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 441.

⁴ Там же. Стб. 605. В Лаврентьевской и родственной ей летописях этой подробности нет (Там же. Т. 1. М., 1962. Стб. 385; Т. 38. Л., 1989. С. 145; Т. 41. М., 1995. С. 108).

⁵ Там же. Т. 1. Стб. 415; Т. 38. С. 159; Т. 41. С. 123; Радзивилловская, или Кёнигсбергская летопись. Т. 1: Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902. Л. 243. Такого же трубача видим и под 6685 (1177) г. на миниатюре к известию о походе Всеволода Большое Гнездо против рязанского князя, где другие встречающие не показаны (Там же. Л. 225 об.). По мнению А.Ю. Карпова, поход Всеволода 1199 г. хотя и привёл к бегству половцев, не был слишком результативен в плане добычи (*Картов А.Ю.* Всеволод Большое Гнездо. М., 2019. С. 254–255), что не помешало летописцу помянуть «радость велику в градѣ Володимери» по поводу возвращения князя, а миниатюристу – изобразить описанную церемонию встречи.

⁶ *Лихачёв Д.С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. С. 57, 78, 119, 211; *Келдыш Ю.В.* История русской музыки. Т. 1. Древняя Русь. XI–XVII века. М., 1983. С. 59–60.

⁷ *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // *Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в.* Сборник научных трудов. Ч. 1. М., 1990. С. 37–39. Обзор точек зрения на время возникновения памятника см.: *Галко В.И.* «Повесть о житии и храбрости» князя Александра Невского // *Письменные памятники истории Древней Руси.* М., 2003. С. 193–194.

⁸ *Житие Александра Невского* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997. С. 364.

⁹ «Пособивый, Господи, кроткому Давиду побѣдити иноплемьники, и вѣрным князем нашим способи и оружием крестным низложи враги наша. Покажи, Благосерде, в нас древняя Твоя милости, да разумѣют во истину, яко Ты еси Богъ; на Тя оуповающе, побѣждаем, молящися прилѣжно Пречистѣи Ти Матѣри даровати нам миръ и велью милость» (ОР РГБ, ф. 304. 1, № 25 (Триодь постная, XIV в.), л. 121). В.И. Мансикка увидел здесь только отсылку к *1 Цар. 18:6* (*Мансикка В.И.*

не исключено, что частые замечания летописцев о том, что князь-победитель возвращается, «хваля и славя Бога», «хваляще/хваляче/похваляче Бога», «славяще Бога» (Пресвятую Богородицу, силу Креста Господня, заступничество святых)¹⁰, представляют собой не только проявления литературной топики, но и отсылки к реальной церемониальной практике своего времени.

Захваченные в плен неприятели являлись не только частью добычи, но и одним из зримых символов победы. Самый известный древний русский текст, упоминающий участие пленников в «ритуалах победы», читается в «Повести о житии» Александра Невского. Двигаясь ко Пскову после Ледового побоища, князь вёл «безбожных немецъ» босыми: «бъше множество полоненых в полку его, и ведяхут босы подле коний, иже именуют себе Божии ритори»¹¹. Автор «Повести» наполнил фразу очевидной иронией, да и в самом разувании и спешивании рыцарей трудно не увидеть их публичного унижения. Каким именно образом пленников вели «подле коний», не уточняется (как и то, чьи это были кони – их собственные или же победителей). Но в другом месте памятника, где речь идёт об удачном походе русских против литвы, сказано, что «служы» Александра привязывали пленных литовских князей к хвостам своих коней: «Ругающесе, вязахуть их къ хвостомъ коней своихъ»¹². Тот же смысл, согласно Повести временных лет, аналогичное действие имело на Руси ещё во времена Владимира, повелевшего «привязати коневу къ хвосту» идола Перуна «и влещи с горы... на поруганье бѣсу»¹³. Даже если с немцами люди Александра обращались иначе, нежели с литвой, обе описанные ситуации середины XIII в. роднит мотив унижения (поругания) поверженного неприятеля.

Свидетельства о демонстрации «полона» можно отыскать и в летописании домонгольского времени. Не исключено, что намёк на это содержит уже По-

---

Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913. С. 19, 46). В.В. Василик на том основании, что стихира входит и в службу св. равноап. царю Константину, утверждает, что автором «Повести» тем самым «подразумевается апостольский характер того, что совершил св. Александр, и одновременно его незримая связь с наследием христианской империи» (*Василик В.В. Личность св. Александра Невского в контексте цивилизационного противостояния Руси и Запада: Опыт прочтения жития // Александр Невский и Ледовое побоище. Материалы научной конференции, посвящённой 770-летию Ледового побоища (Санкт-Петербург, 7 апреля 2012 г.)*. С. 33). Столь смелое прочтение фрагмента, на мой взгляд, не имеет достаточных оснований. О связи почитания Креста с молитвами за царя см.: *Асмус В., прот.* Всемирное Воздвижение Честнаго и Животворящаго Креста: Эортологический этюд // *Империальное возрождение*. Вып. 1. М., 2004. С. 51–60.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296, 339, 363, 364, 382, 396, 434, 449; Т. 2. Стб. 441, 460, 540, 563, 566, 636.

¹¹ Житие Александра Невского. С. 364.

¹² Там же. С. 366. Известен способ смертной казни через волочение человека, привязанного к конскому хвосту (*Кистяковский А.Ф.* Исследование о смертной казни. Тула, 2000. С. 239, 250). В ранних русских источниках он упомянут у новгородского архиепископа Антония (Добрыни Ядрейковича), описавшего мученическую кончину св. Зотика Сиропитателя (*Савваитов П.И.* Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. СПб., 1872. С. 163). Однако «Повесть о житии» ничего не говорит ни о волочении пленных литовцев, ни об их смерти в результате действий княжеских слуг. Напротив, подвергнутые унижению литовские князья противопоставлены тем их собратьям, которые во время сражения были «избиты», т.е. погибли. Вероятнее всего, речь идёт о методе конвоирования, когда пленники, привязанные верёвкой к лошади, были вынуждены идти или бежать следом за ней. Именно так понял автора «Повести о житии» один из его редакторов (цитирую по Симеоновской летописи): «Вязуше конемъ къ хвосту, и тако ведяху съ собою безбожную литву» (ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 65).

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 116. Волочение лошаадьми как форма поругания относится к числу архаичных практик и упоминается ещё Гомером (*Гомер.* Илиада. СПб., 2008. С. 318). О волочении как акте публичного унижения на Руси см.: *Лукин П.В.* Новгородское вече. М., 2014. С. 422–423.

весть временных лет. Под 6611 (1103) г. в сообщении о возвращении киевского князя Святополка Изяславича и его союзника Владимира Мономаха из успешного похода против половцев летописец показательно соединяет в рамках одной фразы «полон» со «славою» и «побѣдою»: «И придоша в Русь с полоном великим, и с славою, и с побѣдою великою»¹⁴. Это событие проиллюстрировано в Радзивилловской летописи: конница под началом князя и с поднятыми мечами движется к городу, а перед ней шагают связанные пленники¹⁵.

Лавр. и *Инат.* под 6684 (1176) г., рассказывая о победе князя Михалки Юрьевича над его племянниками Ростиславичами, также свидетельствуют, что взятых в плен демонстративно вели перед князем: «Поѣха въ Володимеръ с честию и с славою великою, дружинѣ его и володимерцемъ, ведущим пред нимъ колодники»¹⁶ (правда, данный случай осложнён тем, что Михалко шёл во Владимир, чтобы по приглашению горожан занять там стол). Под следующим годом *Лавр.* сообщает о победе Всеволода Большое Гнездо (уже принявшего после смерти Михалки власть во Владимире) над Мстиславом Ростиславичем и вновь упоминает колодников, хотя и без уточнения их места в процессии победителей: «Князь жь Всеволодъ, побѣдивъ полкъ, възвратися Володимерю с честию великою, а володимерци и дружина поведоша колодники и скоть, погнаша и кони, славяще Бога и Святую Богородицу, и крестную силу»¹⁷. В приведённой цитате обращает на себя внимание упоминание рядом с колодниками неодошевлённой добычи — коней и других животных.

В той же погодной статье *Лавр.* описывает возвращение Всеволода из похода против рязанского князя Глеба Ростиславича (последний попал в плен с сыном Романом, союзником Мстиславом Романовичем, боярами и воинами). Всех их Всеволод «приведе в градъ Володимеръ»¹⁸. *Инат.* излагает эту сцену несколько иначе и отмечает, что вышедшие с крестами навстречу Всеволоду владимирцы «возрадовашася, видѣвше хрестианы отполонены от поганыхъ (на стороне рязанского князя тогда действовали половцы. — *А.Л.*), а ворози в роуках приведе в градъ Володимеръ: князя Глѣба съ сыномъ своимъ Романомъ и с шюриномъ своимъ Мъстиславомъ изыманыхъ, дружина изоимана, и всѣ вѣлможи ихъ»¹⁹. Иными словами, Глеб Рязанский и другие пленники были невольными участниками церемонии, и горожане могли лицезреть их.

Как можно думать, торжественное шествие победителей и встречавших их горожан завершалось в одном из главных храмов стольного города. Именно так *Инат.* под 6659 (1151) г. изображает финал церемонии после битвы на р. Руте. Въехав в Киев, Вячеслав Владимирович и Изяслав Мстиславич молились даже не в одном, а по очереди в двух городских соборах (у гробов Владимира Святого и Ярослава Мудрого): «С великою честию въѣхаша въ Киевъ и ту поклонившеся святѣи Софѣѣ и святѣи Богородици Десятинньѣи»²⁰.

Ещё в двух случаях летописцы свидетельствуют о таком же посещении князем-победителем храма в своём городе, не упоминая о шествии. Повесть временных лет под 6615 (1107) г. говорит о визите киевского князя Святополка

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 279; Т. 2. Стб. 255.

¹⁵ Там же. Т. 38. С. 101; Радзивилловская, или Кёнигсбергская летопись. Л. 151 об.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 376–377; Т. 2. Стб. 601–602; Т. 38. С. 142; Т. 41. С. 104.

¹⁷ Там же. Т. 1. Стб. 382; Т. 38. С. 144; Т. 41. С. 107.

¹⁸ Там же. Т. 1. Стб. 385; Т. 38. С. 145–146; Т. 41. С. 108.

¹⁹ Там же. Т. 2. Стб. 605.

²⁰ Там же. Стб. 441.

Изяславича в Киево-Печерский монастырь сразу после победоносного похода на половцев, увенчавшегося битвой на р. Суле. В обители князь молился на заутрене, «и братья цѣловаша и с радостью великою, яко врази наша побѣжени быша молитвами святыя Богородица и святаго отца нашего Феодосья»²¹. Аналогичную ситуацию описывает, по-видимому, и *Лавр.* под 6672 (1164) г., рассказывая, как Андрей Боголюбский после болгарской войны торжественно водворил сопровождавшую его в походе Владимирскую икону в соборный храм своей столицы: «Принесъ ю с славою и постави ю въ святѣи Богородицѣ Володимери в Золотоверсѣи, идѣже стоять и до сего дьне»²². Приведу ещё одно летописное свидетельство того же рода, несколько выходящее за хронологические рамки настоящей работы, но всё же относящее к князю, чьё становление произошло ещё до нашествия Батыея. Даниил Галицкий после чешского похода 1253 г. благодарил Бога за военную удачу в соборе своей новой столицы — Холма: «Приде во град Холмь съ честью и со славою в домъ Пречистоѣ, падь, поклонися и прослави Бога о бывшем»²³.

Если перед нами фрагменты рассыпавшейся мозаики, то древнерусский церемониал «възвращения с побѣдою» может быть описан следующим образом. Заранее предупреждённые о приближении князя и дружины жители его стольного города, возглавляемые духовенством, выходили с крестами за крепостные ворота навстречу победителям. Встреча имела торжественный характер и сопровождалась пением благодарственных молитв и победных гимнов («славы») князю, а также показом пленников и добычи. Приветствуемый горожанами, правитель входил в город, после чего праздничная процессия (по сути — крестный ход) двигалась к соборному храму, где князь, его соратники и все собравшиеся вновь благодарили Господа за дарованную победу и молились о победителях — как живых, так и павших²⁴. Яркая презентация княжеской власти переплеталась во всех этих ритуалах с хвалой Всевышнему, подавшему князю «на враги одолѣние».

Дополнительную информацию для изучения темы может принести анализ дат, на которые приходились въезды князей-победителей в свои города. В источниках домонгольского времени сохранились шесть таких дат.

В 1107 г. князь Святополк Изяславич вернулся в Киев после победы над половцами на Суле. Произошло это на Успение — 15 августа, в четверг. Летописец, правда, не отметил въезд князя непосредственно в город, а лишь сообщил, что тот «приде» в пригородный «Печерьский монастырь на заутреню на Оуспенъе святыя Богородица»²⁵. Однако вряд ли стоит сомневаться, что его прибытие в Киев произошло тогда же. Так заставляет думать хронология событий. Битва с половцами началась в середине дня («въ 6 час дьне») 12 августа

---

²¹ Там же. Т. 1. Стб. 282; Т. 2. Стб. 258; Т. 38. С. 102. Летописец, комментируя данное событие, отмечает «обычай» Святополка перед походом «на воину или инамо» поклоняться мощам преподобного Феодосия и братья благословение («молитву») у печерского игумена. Подробнее об этом «обычае» князя рассказывает Киево-Печерский патерик (Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997. С. 434). Однако комментарий логически не стыкуется с летописным сообщением, речь в котором идёт не о начале, а о завершении похода.

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 353; Т. 38. С. 131; Т. 41. С. 91.

²³ Там же. Т. 2. Стб. 826.

²⁴ Молитвенное прошение о павших воинах см., например, у новгородского летописца под 6742 (1234) г.: «Покои, Господи, душа ихъ въ Царствии небеснѣмъ, пролившихъ крови своя за святую Софью и за кровь христьянскую» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 73, 91).

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 282; Т. 2. Стб. 258; Т. 38. С. 102.

после форсирования княжескими дружинами Сулы около Лубна. Кочевники начали отступать, и русские «гнаша» их почти до Хорола, т.е. на протяжении нескольких десятков километров. Можно допустить, что киевский князь не участвовал в преследовании, но всё равно он должен был оставаться в районе боевых действий до окончания основных событий (завершившихся, по-видимому, с наступлением сумерек). Таким образом, Святополк не мог отправиться в Киев ранее утра 13 августа. А если так, то домой он двигался в чрезвычайно высоком темпе: даже по прямой от современных Лубен до Киева около 185 км, а значит за день 57-летний правитель преодолевал на лошади по степным дорогам и бездорожью расстояние никак не меньше 100 км. Эти данные можно соотнести со свидетельством Владимира Мономаха, двоюродного брата Святополка Изяславича, в своём «Почуении» не без гордости сообщавшего сыновьям, что в молодые годы он добирался из Чернигова в Киев за один день («днемъ есмь переѣздилъ до вечерни») ²⁶. Расстояние между городами по прямой составляет около 130 км, и эта цифра не сильно превосходит дневные переходы Святополка, возвращавшегося с берегов Сулы.

Для сравнения можно вспомнить нормы дневных переходов, существовавшие в российской армии начала XX в. «Нормальный» суточный переход конницы составлял 37–43 км при средней скорости движения 5,3–8,5 км/ч ²⁷. Схожие данные находим в «Боевом уставе конницы РККА». Там «нормальный» переход конницы определён в 45–55 км («форсированный» – не более 70–75 км) при средней скорости от 6,5 до 8,5 км/ч, причём последняя скорость названа предельной и допустимой «на расстояния, не превышающие полуперехода (25 км)» ²⁸. Другими словами, общий темп движения киевского князя на пути в столицу в 1107 г. был примерно в два раза выше, чем комфортный для лошадей на марше. Это означает, что либо Святополку пришлось по дороге лошадей менять, либо совсем не щадить единственного коня. Но в обоих случаях ему пришлось провести в седле оба дня с утра до вечера. Не смог бы Святополк добраться до Киева быстрее, если бы решил часть пути – например, от Канева – преодолеть на речном судне по Днепру: такой маршрут оказался бы ещё длиннее, а двигаться по реке пришлось бы против течения.

Таким образом, имеются серьёзные основания сомневаться в том, что Святополк Изяславич мог бы достичь Киева ранее вечера 14 или утра 15 августа. Столь стремительное перемещение князя с поля боя в столицу имело, очевидно, конкретную причину – желание поспеть в Киев на Успение. В этот день не только совершался престольный праздник в любимой им Печерской обители (а на канун приходилась ещё и годовщина перенесения мощей прп. Феодосия Печерского в 1091 г. ²⁹), но и происходили особые торжества в одном из главных соборов Киева – Десятинной церкви, также посвящённой Богородице ³⁰. И хотя летописец не пишет об этом, логично предположить, что после утрени в монастыре князь отправился на литургию в Десятинную церковь. Нет в летописи и информации о том, была ли киевлянами приготовлена торжественная встреча князю (как можно думать, основные силы киевского войска, двигавши-

²⁶ Там же. Т. 1. Стб. 250.

²⁷ *Изместьев П.И.* Краткое руководство по элементарной и общей тактике. Составлено по опыту последних войн. Пг., 1919. С. 83.

²⁸ Боевой устав конницы РККА. Ч. 2. М., 1942. С. 44–45.

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 211.

³⁰ Там же. Стб. 124.

еся с «полоном», 15 августа ещё находились в пути). Автор сообщения ограничился лаконичной ремаркой, что все участники похода, в том числе князья из других городов, «възвратишася в своя си с побѣдою великою». Впрочем, если относительно летописных формул такого рода прав П.С. Стефанович, то эти слова можно рассматривать как указание на то, что такая встреча состоялась.

В 1168 г. после победы над половцами у Чёрного леса (район р. Оскол) участники большой княжеской коалиции под началом князя Мстислава Изяславича Киевского «быша в домехъ своихъ на самое въскресе́ние». В этом «въскресе́нии» Н.Г. Бережков с полным основанием видит Пасху, пришедшуюся в тот год на 31 марта³¹. «И бысть людемъ двоя радость — и въскресе́ние Господне, и князь възвраще́ние с побѣдою и с радостью»³². Поход начался 2 марта с выступления русских полков из Киева. После этого они двигались девять дней на юго-восток, пока не обнаружили и не атаковали половецкие вежи «на Оугль-рѣцѣ» (Орели) и «по Снопороду» (по р. Самаре). После захвата веж князья принялись догонять основные силы кочевников и настигли их у Чёрного леса³³. Если вслед за С.А. Плетнёвой искать этот лес в районе устья р. Оскол, впадающей в Северный Донец³⁴, то следует сделать вывод, что русским пришлось совершить бросок к востоку, занявший, по-видимому, не один день. Таким образом, сражение у Чёрного леса должно было произойти в середине марта. А это значит, что возвращение князей после победы «в дома своя» ко дню Пасхи происходило примерно в том же темпе, что и их движение навстречу врагу, причём уже после утомительной кампании и с большой добычей («възяша полона множество, якоже всимъ рускимъ воемъ наполнитися до изобилья»)³⁵. И хотя этот темп ниже, нежели у Святополка Изяславича в 1107 г., участники похода (среди них не менее 11 князей), должны были приложить немалое усилие, чтобы успеть в свои города на Воскресе́ние Христово. Слова летописца позволяют думать, что по крайней мере у некоторых из них это намерение увенчалось успехом.

В 1193 г. молодой князь Ростислав Рюрикович, победивший вместе с двоюродным братом Мстиславом Мстиславичем и чёрными клобуками половцев за р. Ивлей и захвативший большую добычу, приехал «съ славою» в город Торческ «на Рождество»³⁶ — 25 декабря, в субботу. Дату самого сражения летописец не указал.

В 1196 г. великий князь Всеволод Большое Гнездо вернулся после успешной войны с Ольговичами в свой столичный Владимир «месяца октября въ 6 днь на память святаго апостола Фомы» — в воскресенье. «И бысть радость велика в градѣ Володимери»³⁷.

В 1198 г. Всеволод, совершивший удачный поход на половцев, въехал во Владимир «месяца иуны въ 6 днь на память святаго мученика Дорофѣя епископа в днь суботный», по поводу чего летописец дословно повторил свою ремарку о «радости велицей в градѣ»³⁸.

³¹ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 180.

³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 540.

³³ Там же. Стб. 539–540.

³⁴ *Плетнёва С.А.* Половцы. М., 1990. С. 154.

³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 540.

³⁶ Там же. Стб. 669, 676–678; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 206.

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 413; Т. 38. С. 159. В Летописце Переяславля Суздальского датой возвращения князя названо 16 октября (ПСРЛ. Т. 40. С. 122); *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 85.

³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 415; Т. 38. С. 159; Т. 41. С. 123; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 86.

В 1207 г. тот же князь, победив рязанских князей, «вниде» во Владимир «месяца ноября въ 21 днь, в среду, на Введенье святыя Богородица». Сообщение завершается замечанием о великой радости в городе и восклицаниями Псалмопевца, радующегося о Господе. Отмечу, что этот двенадесятый праздник, как и все богородичные праздники, должен был с особым размахом отмечаться в главном храме Владимира, посвящённом Богородице³⁹.

Выбор князьями дней для торжественного возвращения в стольные города после одержанных побед красноречив. В четырёх случаях из шести церемонии приурочены к крупнейшим церковным торжествам годового круга богослужений: к Пасхе и двенадесатым праздникам Успения, Введения и Рождества Христа. В двух оставшихся — к «малой Пасхе»: воскресному дню и его кануну⁴⁰.

К рассмотренным случаям можно добавить ещё один, указывающий на тенденцию совмещать празднование победы с церковными праздниками. В 1171 г. князь Игорь Святославич, одолев половцев за рекой Ворсклой, возвращался домой через Киев⁴¹. Туда он постарался попасть «къ празнику святую мученику Бориса и Глѣба» (24 июля), а точнее — к вечерней службе 23 июля, с которой начиналась череда праздничных богослужений. Полностью осуществить замысел ему, правда, не удалось, на вечерню он не успел: «Не вытяже на канунъ, по вечернии приѣха». Но 24 июля, в самый день праздника, Игорь уже праздновал память святых в Киеве и поднёс дары из богатой добычи («саигать») киевскому князю Роману Ростиславичу, его братьям «и мужемъ»⁴², соединяя торжество церковное со своим собственным.

Перед нами — несомненные следы особой «праздничной» стратегии, регулировавшей выбор даты для торжественного возвращения победителей из похода. Конечно, источники не позволяют судить, насколько неукоснительно князья следовали ей в иных случаях. Однако отмечу, что она хорошо соотносится с другой календарной практикой, также относящейся к сфере воинских ритуалов домонгольской Руси и при этом лучше освещённой источниками, — практикой «праздничных выходов» на войну. Такие события князья предпочитали назначать на праздничные или воскресные дни, наполняя последние часы подготовки к ратным подвигам духовным смыслом⁴³. Но если при отправлении дружин в поход в ткань церковного торжества вплетались неизбежные в такой ситуации нити тревоги, то при возвращении с победой «двоя (двойная. — А.Л.) радость» оказывалась совершенной, исполненной ликованием и благодарностью Всевышнему.

Приуроченность рассматриваемых церемоний к церковным праздникам и воскресным дням ещё ярче высвечивает их религиозную канву и свидетель-

³⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348, 433; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 100.

⁴⁰ Такую же приуроченность видим в единственном датированном сообщении об интересующем нас событии за вторую половину XIII в., когда ещё могли сохраняться некоторые традиции домонгольского времени. В 1278 г. ростовский князь Глеб Василькович, правнук Всеволода Большое Гнездо, вернулся в Ростов после успешного похода на ясов под началом хана Менгу-Тимура «въ недѣлю всѣхъ святыхъ (т.е. в воскресенье. — А.Л.), мѣсяца иуна въ 12, на память святого отца Ануфрия пустытника» (ПСРЛ. Т. 18. С. 76; *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 335 (в сохранившихся фрагментах памятника читается указание на «недѣлю всѣхъ святыхъ», месяц назван ошибочно — «июль»)).

⁴¹ Прямо в летописи Киев не упоминается, но это следует из контекста (*Горский А.А.* «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского Средневековья. М., 2001. С. 13–14).

⁴² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 569.

⁴³ *Лаушкин А.В.* «Праздничные выходы» на войну в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1(75). С. 53–57.

ствует о стремлении организаторов к максимальной публичности, на которую можно было рассчитывать именно в праздничные дни, когда христиане оставляли свои повседневные занятия и наполняли церкви.

При всей бедности сохранившегося материала о древнерусских церемониях «възвращения с побѣдоу» в них различимы черты, позволяющие сопоставить их с уходящими корнями в античную эпоху празднествами императорских триумфов. В христианизированном виде триумфальную традицию восприняла не только Византия — она отразилась и в политической практике многих стран раннесредневековой Западной Европы, представляя собой насыщенное локальными особенностями и частными нововведениями «постбытие имперской идеологии Победы»⁴⁴.

Ко времени крещения Руси обновлённые ритуалы победы приобрели в Византийской империи вполне законченный вид. Сценарии пышных столичных триумфов порой сильно отличались один от другого, завися от обстоятельств события и фигуры триумфатора (им мог быть не только император). Но среди прочего они часто включали элементы, аналогичные тем, какие мы встретили и в русских источниках: 1) многолюдную торжественную встречу войска, которая начиналась за стенами Константинополя (при возглавлении армии самим василевсом — обычно за Золотыми воротами), продолжалась на украшенных в честь праздника улицах города и сопровождалась хвалами Богу и пением словословий победителю; 2) «триумфальный парад» победоносного войска с демонстрацией трофеев и пленников, нередко подвергаемых ритуальному унижению; 3) заключительное богослужение в соборном храме Святой Софии. Помимо общего сходства названных элементов можно указать и на некоторые частные переклички между византийскими и русскими церемониями.

Сохранились свидетельства об участии высшего духовенства в публичных встречах триумфаторов в Константинополе, причём известны случаи (впрочем, не типичные), когда патриархи приветствовали василевсов за стенами не только Святой Софии, но и города. Так было в 628 г., когда патриарх Сергий встречал императора Ираклия I на другой стороне Босфора в Иерии, и в 971 г., когда патриарх Василий вышел навстречу Иоанну I Цимисхию к Золотым воротам⁴⁵.

Торжественное возвращение князя Андрея Боголюбского в 1164 г. из болгарского похода с иконой Богородицы, которую он «принесъ... с славою и постави... въ святѣи Богородицѣ Володимери в Золотоверсѣи», также находит возможные аналогии в византийской церемониальной практике. Брать с собой на войну почитаемый образ Матери Божией было в обычае правителей Ромейской державы⁴⁶. Однако несколько раз богородичная икона оказывалась и в самом фокусе триумфальных торжеств. Первый зафиксированный источниками

---

⁴⁴ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Darmstadt, 1959. S. 168–178; McCormick M. Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval West. Cambridge, 1990. P. 7.

⁴⁵ Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. М., 1884. С. 242; *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992. С. 115; *Constantini Porphyrogeniti. De ceremoniis aulae Byzantinae*. Vol. 1. Bonn, 1829. P. 608–610; McCormick M. Op. cit. P. 173, 215.

⁴⁶ Степаненко В.П. Военный аспект культа Богоматери в Византии (IX–XII вв.) // Античная древность и Средние века. 2000. № 31. С. 203–220.

случай такого рода произошёл в 971 г.⁴⁷ после победы Иоанна Цимисхия над русским князем Святославом Игоревичем и болгарами. Встречая императора перед стенами Константинополя, горожане преподнесли Иоанну «украшенную золотом колесницу, запряжённую белыми лошадьми» и просили его «взойти на неё, чтобы отпраздновать полагающийся в таких случаях триумф». Император отказался выполнить их просьбу и поставил на колесницу – на место триумфатора – «вывезенное из Мисии (Болгарии. – А.Л.) изображение Богородицы», а сам въехал в город на коне позади колесницы⁴⁸. Этот символический жест, указывающий на истинную победительницу врагов империи, в 1133 г. повторил император Иоанн II Комнин после победы над турками-сельджуками. Он повелел изготовить колесницу, отделать её серебром и самоцветами, запрячь в неё традиционных для триумфального шествия белоснежных лошадей и водрузил на неё икону Богородицы; сам же отправился перед колесницей пешком. Никита Хониат, описавший эту сцену, заметил, что император поступил так, поскольку Богородица «была причиной его радости и восторга, от которого он был вне себя, и Ей как непобедимой Воеводе, вместе с ним начальствовавшей над войском, он приписывал победы»⁴⁹. Сходный по смыслу комментарий по поводу одержанной победы прозвучал и из уст летописца, сообщившего в *Лавр.* о болгарском походе Андрея Боголюбского 1164 г. и его торжественном возвращении в стольный град с иконой: «се же бысть чудо новое святое Богородицы Володимерское, юже взять бяше с собою благовѣрныи князь Андрѣи». Трудно усомниться в том, что во Владимир князь въезжал через построенные по его повелению и освящённые всего несколькими месяцами ранее Золотые ворота, символически связывавшие город на Клязьме с великим городом на Босфоре⁵⁰. Уместно вспомнить, что в необычной архитектуре этих ворот Н.Н. Воронин различил признаки триумфальной арки, а в имени расположенной над ними церкви, освящённой в честь Положения честной ризы Пресвятой Богородицы в Влахерне, – прямую отсылку к священным реликвиям столицы Византии⁵¹. Логично предположить, что столь насыщенному константинопольскими аллюзиями месту могла сопутствовать и торжественная церемония, также не лишённая византийских черт. Спустя несколько лет после этой церемонии, в 1167 г., сын Иоанна II император Мануил I Комнин, победив венгров, повторил поступок отца и тоже уступил место в триумфальной колеснице иконе Богородицы⁵². Это говорит о том, что во времена Андрея идея «триумфа Богородицы», кото-

⁴⁷ Благодарю П.В. Кузенкова, обратившего моё внимание на то, что топика «триумфа Богородицы» звучит уже в относящемся к VII в. кондаке «Взбранной Воеводе», в котором «буквально описана встреча Богородицы как полководца-триумфатора с основным элементом этого торжества – победными гимнами», и что Иоанн Цимисхий поэтому был, возможно, не первым василевсом, постаравшимся воплотить эту гимнографическую топикку в реальной церемонии.

⁴⁸ *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 82.

⁴⁹ *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 1. СПб., 1860. С. 24–25.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 351, 353.

⁵¹ *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. М., 1961. С. 138, 145, 148; *Воронин Н.Н.* Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // Византийский временник. Т. 26. М., 1965. С. 193; *Седов Вл.В.* Новый Иерусалим в надвратных храмах Византии и Древней Руси // Новые Иерусалимы: Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009. С. 553–554.

⁵² *Никита Хониат.* Указ. соч. С. 202–203; *Иоанн Киннам.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180). СПб., 1859. С. 276–277. В 1261 г. при восстановлении Византийской империи император Михаил VIII Палеолог также триумфально вошёл в Константи-

рой он, возможно, сознательно следовал⁵³, оказывалась по-прежнему жива при византийском дворе. При этом официальный Константинополь того времени не был совсем уж чужим миром для Андрея. У него имелись дипломатические контакты и с патриархом Лукой Хрисовергом, и с императором Мануилом, его младшие братья несколько лет провели в Византии и пользовались гостеприимством василевса, а в стольный город Андрея приезжали купцы «изъ Цесарягорода»⁵⁴. Указание на некое взаимодействие князя и императора сохранила и составленная, по-видимому, не позднее начала XIII в. русская проложная статья на 1 августа, где речь идёт как раз о болгарском походе владимирского князя и о явленных тогда чудесах Владимирской иконы. Автор статьи нарочито соотносит военные успехи Андрея и Мануила и даже заявляет о «любви и братолюбье» двух правителей⁵⁵.

Созвучие с идеологией византийского триумфа можно уловить и в том повышенном внимании, которое немногословные русские свидетельства о возвращениях с войны уделяют Кресту Господню. Летописцы вместе со своими героями хвалят его силу и не забывают изображать кресты в руках встречающих (то же делают и миниатюристы в Радзивилловской летописи), а автор «Повести о житии» Александра Невского, описывая сцену въезда князя во Псков после победы, перефразирует и вкладывает в уста вышедшим навстречу Александру людям стихире Кресту «Пособивый, Господи, кроткому Давиду»⁵⁶. Кресты использовались и в византийских церемониях. Во время триумфа императора Василия I Македонянина в 879 г. перед ним несли большой украшенный камнями крест⁵⁷, а Иоанн II Комнин в 1133 г. шёл перед колесницей с иконой Богородицы, держа крест в руках⁵⁸. Император Константин VII Багрянородный в трактате «О церемониях византийского двора» свидетельствует о публичном поклонении василевса кресту во время триумфальной процессии на форуме Константина⁵⁹. Но главное — даже не материальное присутствие крестов в константинопольских триумфах, а то, что крест находился в самом центре византийского понимания победы. Уже с V в. Крест Господень (в начале — наряду с лабарумом) воспринимался в империи главным орудием и главным символом

нополь через Золотые ворота, следуя за иконой Богородицы — «скорее как смиренный слуга Бога, чем как царь» (*Георгий Акрополит*. История. СПб., 2013. С. 138).

⁵³ О возможных византийских коннотациях в почитании Владимирской иконы при Андрее Боголюбском см.: *Шенникова Л.А.* Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» как «Одигитрия евангелиста Луки» // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 259–260.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352; Т. 2. Стб. 521, 591; *Павлов А.С.* Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 (памятники XI–XV вв.). // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 6. СПб., 1908. С. 63–75.

⁵⁵ *Коняевская Е.Л.* К истории сложения проложной статьи на 1 августа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1(47). С. 5–7; *Кучкин В.А., Сумникова Т.А.* Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. С. 501–502; Слово о празднике Всемилостивого Спаса и Пресвятой Богородицы // *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009. С. 444–448.

⁵⁶ Византийский по происхождению мотив победоносного Креста отчётливо представлен в культуре Руси, в частности в летописях (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296, 361, 444, 448; Т. 2. Стб. 290, 559, 624; Новгородская первая летопись. С. 73, 80, 83, 87). См. также: *Федотов Г.П.* Русская религиозность. Т. 1. М., 1988. С. 327–328; *Стефанович П.С.* Крестоцелование и отношение к нему Церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 90–91, 94–95.

⁵⁷ *McCormick M.* Op. cit. P. 216.

⁵⁸ *Никита Хониат*. Указ. соч. С. 25.

⁵⁹ *Constantini Porphyrogeniti*. Op. cit. P. 609.

императорской победы и сопутствовал василевсам как во многих церемониях их жизни, так и в официальном церемониальном искусстве⁶⁰.

Публичное унижение пленённых неприятелей на Руси во время победных шествий, о котором сохранила свидетельство «Повесть о житии», также находит прямые аналогии в практике византийских триумфов. Демонстрация поверженного врага на улицах и ипподроме Константинополя оказывалась важным атрибутом многих императорских праздников победы⁶¹. Участие в параде победителей в любом случае было оскорбительно для проигравших, даже если их просто вели перед глазами собравшегося народа. Но подчас побеждённых подвергали и особым унижениям — от таких зловещих, как предъявление публике неприятельского вождя с обезображенным палачами лицом или даже его отрубленной головы⁶², до сугубо ритуальных. Константин Багрянородный после победы над арабами в 956 г. попрал ногой склоненную шею предводителя поверженных врагов Абу-л-Ашаира, остальные пленные стояли перед императором на коленях, а неприятельские знамёна были перевернуты. Иоанн Цимисхий в 971 г. во время победных торжеств публично снял с болгарского царя Бориса II знаки его царского достоинства. Константин IX Мономах в 1043 г. повелел провести пленённых мятежников «не в строю и не в пристойном виде, но... на ослах, задом наперёд, с обритыми головами, с кучей срамной дряни вокруг шеи»⁶³. По-видимому, босые рыцари, которых в 1242 г. князь Александр Невский вёл во Псков «подле коний», — картина из того же ряда.

М. Маккормик указал на растущее единодушие учёных в том, что идеи и политические обычаи, уходящие корнями в позднюю Античность, «пропитали ранние институты варварских королевств» Европы. М.А. Поляковская, размышляя о том же, отметила, что «на начальной стадии становления церемониального стереотипа Западная и Центральная Европа были ориентированы на Византийскую империю, поражавшую европейский мир совершенством и торжественностью своей церемониальной системы»⁶⁴. Сходство древнерусских церемоний «взвращения с побъдью» и соответствующих компонентов византийского церемониала триумфов позволяет думать, что названная тенденция проявилась и в Восточной Европе, и что на Руси могла произойти частичная рецепция византийских образцов. Носила ли эта рецепция непосредственный характер (что вполне возможно, учитывая тесное общение двух стран)⁶⁵ или же была опосредована церемониальной практикой других государств, судить сложно из-за скудости сохранившегося материала.

⁶⁰ Грабар А.Н. Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 51–58, 93.

⁶¹ Капсалькова К.Р. Представления о войне и армии в Византии (середина IX — середина XI в.). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. С. 199.

⁶² Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 198; Никита Хониат. Указ. соч. С. 202; Михаил Пселл. Хронография. М., 1978. С. 50, 94; Лев Диакон. Указ. соч. С. 90; Литаерин Г.Г. Как жили византийцы. СПб., 1997. С. 81; McCormick M. Op. cit. P. 177, 178.

⁶³ Constantini Porphyrogeniti. Op. cit. P. 610; Лев Диакон. Указ. соч. С. 83; Михаил Пселл. Указ. соч. С. 94; McCormick M. Op. cit. P. 159–162.

⁶⁴ McCormick M. Op. cit. P. 7; Поляковская М.А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «Театр власти». Екатеринбург, 2011. С. 20.

⁶⁵ Если прав А.Н. Грабар, свидетельством знакомства Руси с триумфальной традицией Византии уже в XI в. может служить одна из фресок Софии Киевской, изображающая «василевса, скачущего на белом коне... Похоже, что эта фигура составляла часть сцены триумфа на улицах или на Ипподроме Константинополя» (Грабар А.Н. Император... С. 69).